

ДЕНЬГИ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

Л. А. МУРАВЬЕВА,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории и политологии

E-mail: lam1812@mail.ru.

*Финансовая академия при Правительстве
Российской Федерации*

В статье рассматриваются особенности денежного обращения России, проблемы и недостатки металлического обращения и введения бумажных денег (ассигнаций) во второй половине XVIII в. Представлена история формирования рынка ассигнаций в 1762–1794 гг.: его динамика и структура, законодательная база и государственное регулирование, механизм эмиссии.

Ключевые слова: деньги, обращение, рынок, баланс, вывоз, ввоз, купец, кредит, банк, заем, монета.

Металлические деньги. После смерти императрицы Елизаветы Петровны Петр III получил в наследство начатую П. И. Шуваловым денежную реформу. Участие России в Семилетней войне обострило денежные проблемы, и реформатор представил новый план по выходу страны из денежного кризиса. Он заключался в дальнейшем облегчении медной монеты и переходе к чеканке из пуда меди монет не на 16 руб. (суммарно), а на 32 руб. — с удвоением номинала. Все имеющиеся серебряные монеты П. И. Шувалов предлагал чеканить из серебра 72-й пробы. От проведения этой операции и чеканки серебряных монет на 16 млн руб. в течение 16 лет Шувалов обещал казне 20,5 млн руб. чистой прибыли. Для руководства этой реформой при Сенате была создана Главная экспедиция передела монет во главе с бригадиром М. А. Яковлевым. Петр III утвердил доклад Сената от 17.01.1762. При этом новый император прекратил начатый Елизаветой Петровной передел медных пушек в монету. В марте 1762 г. начался выпуск новой монеты. Для ускорения этой процедуры на старые монеты наносили новое клеймо, не переливая и не перепечатывая. В июне 1762 г. государственный переворот привел к власти Екатерину II.

С финансовой точки зрения начало нового царствования благостным не назовешь. Государс-

твенная казна пуста, армия не получает жалованья, крестьяне и работные люди бунтуют и совершают побеги. Критическое состояние российских финансов заставило молодую императрицу приняться за выработку стратегической линии денежной политики, способной оздоровить всю экономику в целом. Первоначально главное внимание уделили самой обращаемой монете на внутреннем рынке. Таковой оставались медные номиналы. Перед Екатериной II встал вопрос: продолжить чеканку медной монеты в русле предложений уже покойного к этому времени П. И. Шувалова, одобренных Петром III, или выработать новую тактику. Один из сенаторов и член Комиссии о коммерции подал императрице свои предложения, озаглавленные «Мнение о государственных доходах». Там шла речь об отрицательных последствиях денежного обращения по реформе П. И. Шувалова и предлагалось улучшить монетное дело в России. С этим вопросом Екатерина II обратилась к Сенату. Ответ сенаторов был уклончив. В целом они признавали отрицательные последствия «шуваловского» курса, но не рекомендовали резко отказываться от него, а все перемены осуществлять постепенно. Несколько особое мнение имел генерал-прокурор Сената А. И. Глебов, сделавший карьеру при Петре III по протекции П. И. Шувалова, но без колебаний поддержавший Екатерину во время дворцового переворота. В письменном докладе императрице А. И. Глебов подчеркивал большую опасность наличия в денежном обращении легковесной медной монеты. Он предлагал чеканить по 10 или 16 руб. (суммарно) из пуда меди и использовать для размена мелких серебряных монет. Срок перехода на новую структуру генерал-прокурор определял в два года. Одновременно А. И. Глебов предлагал увеличить производство серебряных монет.

Сопоставив разные мнения, Екатерина II нашла наиболее приемлемой точку зрения А. И. Глебова и взяла ее за основу своей резолюции. Меры предлагались следующие: прекратить чеканку и перечеканку медной монеты 32-рублевой стопы и приступить к переделу меди по 16 руб. из пуда — на общую сумму 5,5 млн руб. На новые монеты осуществить вымен легковесных медных монет. На покупку необходимого количества меди использовать наличные Медного банка и нерчинское серебро. С критикой таких шагов выступил сенатор Я. П. Шаховской, возражавший против многомиллионной чеканки медной монеты, в два раза превосходившей рыночную стоимость меди. Он предложил медь продавать за границу, увеличивая в обращении количество серебряной монеты, в том числе — ее мелких номиналов. Екатерина II в записке писала: «Я не могу согласиться с мнением князя Шаховского о медной монете, и не могу признать, чтобы описанные им вредности [были] столь важны, для которых бы медную монету не умножать весом по 16 руб. из пуда... Сенат как хранилище законов не допустит до вреда, сверх того я еще жива».

Указы Сената санкционировали начало перечеканки медной монеты по 16 руб. из пуда в размере 5,5 млн руб. теми же штемпелями, но с изменениями имени монарха, вензеля и даты. Для ускорения процесса из новой меди чеканили пятикопеечники. Выбранная стопа представлялась оптимальной, так как давала казне более 100 % прибыли. К тому же предполагалось, что такой вес и проба медных денег не заинтересует фальшивомонетчиков. Свои мошенники не располагали соответствующей техникой, а заграничным такая операция была невыгодна, так как в других странах цена меди была выше. Медная монета такого вида просуществовала до 1796 г.

Операция по вымену легковесной монеты по 32 руб. из пуда затянулась на несколько лет и прошла два этапа. Первый этап завершился в основном в 1767 г. Начавшаяся русско-турецкая война (1768—1774) приостановила этот процесс. В связи с этим участились жалобы губернских канцелярий на усложнение совершения сделок и торговых операций, так как крестьяне и ремесленники отказывались принимать легковесные деньги, и подрядчикам приходилось старые монеты обменивать на полноценные, терпя убытки. К середине 1780-х гг. легковесной медной монеты имелось на сумму 1,3 млн руб. на счетах филиалов Ассигнационного банка, Черниговского и Кавказского казначейств. На конец 1780-х гг. пришелся завершающий этап передела медных денег 32-рублевой стопы.

Одновременно с перечеканкой легковесных медных денег Екатерина II с ноября 1763 г. возобновила передел медных пушек в монету, начатый в 1756 г. Елизаветой Петровной и приостановленный Петром III. Генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии) А. Н. Вильбоа представил императрице ведомости всех имеющихся орудий, которые могли быть назначены в передел. Всего с 1763 по 1767 г. в передел было отправлено орудий общим весом — почти 43 тыс. пудов. Если на предыдущих этапах в передел назначались преимущественно иностранные орудия, то с 1764 г. их приказали сохранять, отдавая в передел исключительно русские пушки. Два пробных передела помогли найти благоприятную пробу, при которой можно было обходиться без добавки чрезвычайно дорогой красной меди. Чистая прибыль составила почти 10 руб. с пуда. Самым проблематичным в этом мероприятии оказалась доставка орудий из различных крепостей в Санкт-Петербург. Для морского переезда не всегда находились подходящие суда или же их выбрасывало на берег во время непогоды. Приходилось дожидаться зимнего пути, что было чревато задержкой передела. Всего на третьем этапе передела медных пушек было изготовлено около 500 тыс. руб. в монете.

Прибыль от производства медной монеты в 1770-х гг. колебалась от 600 до 900 тыс. руб. в год. В 1780-е гг. она еще более увеличилась и стала составлять 1—1,2 млн руб. в год. В 1790-е гг. произошло падение стоимости денег, вызвавшее повышение цен на все товары, в том числе — и на медь. С этого времени чеканка медной монеты становится убыточной для казны. Кризисное состояние российских финансов, выражавшееся в дефиците государственного бюджета, долгах по внешним займам, инфляции, обесценении бумажных денег, потребовало разработки новых оздоровительных мероприятий. Такой проект появился из-под пера последнего фаворита императрицы — претенциозного, но весьма недалекого графа, генерал-фельдцейхмейстера П. А. Зубова. По существу дела он предложил вернуться к плану П. И. Шувалова и начать переделку обращающейся медной монеты из 16-рублевой в 32-рублевую стопу. По мнению Зубова, увеличение медной монеты по количеству и стоимости в два раза увеличит доходы казны, приведет в соответствие стоимость монетной меди с торговой ценой, что явится препятствием к ее изъятию ремесленниками и промышленниками для изготовления медных изделий. Имеющиеся в обращении 14 млн медных монет предстояло пере-

делать по 32-рублевой стопе, перечекая старые и изготавливая новые легковесные монеты.

Для воплощения в жизнь разработанного проекта в мае 1792 г. был создан Особый комитет при императрице. Он призван был руководить Главной экспедицией по переделу монеты, расположенной в Санкт-Петербурге и контролирующей все монетные дворы. Началась подготовка материальной базы к предстоящему медному переделу. Рисунки и слепки для штемпелей всех монетных номиналов утверждала лично императрица. Чтобы ускорить осуществление проекта, решено было к уже имеющимся присоединить временно открытые новые монетные дворы в Нижнем Новгороде, Архангельске, Полоцке и Херсоне. На их обустройство необходимыми станками и привлечение мастеров из казны выделили почти 40 тыс. руб. В Москве на сэкономленные при ремонте старого монетного двора деньги решили начать строительство нового. В осуществление проекта успели включиться два столичных и Нижегородский монетные дворы. Смерть Екатерины II в ноябре 1796 г. оборвала все работы в этом направлении. Переделать успели медных монет немногим меньше, чем на 2 млн руб.

Наряду с медными монетами не менее значимым для российского денежного рынка оставались серебряные монеты. Петр III поддержал предложение Шувалова о переходе на 72-ю пробу при чеканке серебряных монет. Началась подготовка штемпелей, но реализация плана пришлось на правление Екатерины II. Сразу же возникли вопросы технического и финансового характера. Главным как всегда был поиск источника средств на покрытие дорогостоящего производства мелкой серебряной монеты и о соотношении между серебром и золотом. Было решено покрывать расходы за счет понижения не пробы, а веса мелких монет, как практиковалось в странах Европы. Поскольку изготовление штемпелей затягивалось, то сначала осуществили перечеканку всей серебряной монеты на сумму 500 тыс. руб. по старым пробам, но с портретом новой императрицы. Рубли и полтинники чеканили в Петербурге, а мелкую монету, заменив пятачки на гривенники, решили чеканить на Московском дворе по причине его больших размеров.

Для лучшей ориентации в российских финансовых проблемах императрица поручила главе Монетной канцелярии И. А. Шлаттеру подготовить для нее обстоятельный доклад. С установлением 72-й пробы для серебряных монет докладчик был согласен. Советы И. А. Шлаттера по производству серебряных монет нашли отражение в имен-

ном указе от 30.03.1764. Однако его призывы об уменьшении доли медных монет и прекращении неумеренного выпуска бумажных денег остались без внимания. В условиях ведения войн, а значит — увеличения бюджетных расходов, именно выпуск медных и бумажных денег использовался казной как источник наполнения доходной части и покрытия бюджетного дефицита. В правление Екатерины II сформировался набор серебряных монет: рубль, полтина, четвертак (25 коп.), 20- и 15-копеечные монеты. Выпуск серебряного пятачка не осуществлялся с 1764 по 1797 г. Вес серебряного рубля стабилизировался и стал содержать 18 г чистого серебра. В таком виде он сохранился до 1915 г. — практически до конца монетной чеканки Российской империи. Екатерина II не прибегала к уменьшению чистого серебра в рубле, а доходы получали от увеличения его производства. По сравнению со второй четвертью XVIII в. чеканка серебра выросла незначительно — всего на 200 тыс. руб. и составляла от 1,6 до 1,8 млн руб. в год. Увеличение выпуска мелкой серебряной монеты происходило периодически в 1769 и в 1778 гг. и длилось от двух лет до года. Только с середины 1780-х гг. в течение десятилетия этот размах не спадал, чему способствовала девальвация медных монет.

Одним из животрепещущих и подлежащих рассмотрению был вопрос о соотношении цен на золото и серебро. И. А. Шлаттер рекомендовал перейти на соотношении 15: 1, как в Европе, а не 14: 1, как практиковалось в России и провоцировало утечку серебра за границу. Он указывал, что к такому соотношению разумно прийти путем понижения веса золотых империалов (10 руб.) и полуимпериалов (5 руб.), а не пробы, так как увеличение веса лигатурных сплавов приводит к хрупкости монет по причине деликатности золота. Затронутый вопрос вызвал серьезные споры и тщательное изучение в течение двух лет в правительстве и Монетном ведомстве. Сенат настаивал на понижении пробы золотых рублей. Монетная канцелярия пошла на изготовление пробников с пониженной пробой, как советовали сенаторы, а не пониженным весом. Жесткость и хрупкость сплава, сложность в получении требуемого цвета, временные затраты на изготовление монет склонили сенаторов в сторону мнения, высказываемого работниками Монетной канцелярии и ее руководителем. Было принято решение о выпуске золотой монеты 88-й пробы с понижением в весе. Утверждение в России европейского золотого паритета по отношению к серебру (15:1) было зафиксировано в уже упомянутом именном указе от 30.05.1764.

Общая чеканка золотых монет за 35 лет (1762–1796) составила 15,5 млн руб. Из них около 70 % приходилось на долю имперIALов, а около 30 % — на полуимперIALы. Правда, в 1787–1796 гг. (за исключением 1795 г.) чеканили только полуимперIALы. Наряду с крупными чеканились золотые монеты меньшего достоинства: полтина, рубль, два рубля. Предназначались они не для широкого обращения, а внутреннего дворцового обихода. И до нынешнего времени сохранилось их немало, но в достаточно потертом виде.

Перечеканкой легковесной медной монеты занимались четыре монетных двора: Московский, Петербургский, Сестрорецкий и Екатеринбургский, с преимущественной загрузкой столичных дворов. Ведомости Монетной канцелярии показывают, что за 1762–1771 и 1774–1776 гг. на Московском монетном дворе было начеканено крупной и мелкой серебряной монеты более чем на 4 млн руб. Расход серебра при этом составил почти 6 тыс. пудов. Поскольку главной металлургической базой России в XVIII в. стал Урал, то в производстве медных монет велика была роль Екатеринбургского монетного двора. Его оборудовали современными станками, успешно испытали машину для тиснения монетных кружков, активно использовали силу воды для производственного процесса. Медь на Екатеринбургский монетный двор поступала с заводов Урала — как казенных, так и частных. Предприниматели платили в казну в качестве налога десятую часть готовой продукции и большую часть ее сдавали на монетные дворы по указным (установленным правительством) ценам, которые были гораздо ниже рыночных. За время правления Екатерины II штаты монетных дворов увеличились в несколько раз. Например, на Екатеринбургском монетном дворе в 1763 г. работали 375 чел., а в конце века — 727. Но по расчетам администрации требовалось 1 000 чел. Чеканили медную монету всех достоинств, но преобладали пятикопеечники. На Колыванском (Сузунском) монетном дворе с 1763 по 1781 г. специально для Сибири из местной меди чеканили монету — на сумму 25 руб. из пуда. Чеканка крупных медных монет была сосредоточена на Сестрорецком монетном дворе под руководством президента Берг-коллегии и Монетного департамента А. Е. Мусина-Пушкина.

Чеканка серебряной монеты производилась преимущественно на столичных монетных дворах, причем передел серебра в Москве продолжался до 1777 г. Затем весь процесс сосредоточился в Санкт-Петербурге. Московский монетный двор в

меньшей степени чеканил рублевики, а выпускал главным образом мелкие серебряные монеты. Выпуском золотых монет в годы правления Екатерины II занимался только Санкт-Петербургский монетный двор. Среди архивных документов имеется немало челобитных мастеров монетных дворов с просьбой повысить оплату труда. Подобные требования удовлетворялись, но не сразу и не полностью. Рост зарплаты не поспевал за ростом цен и обесценением денег.

Учитывая опыт частых войн с Турцией, Екатерина II, начиная очередную военную кампанию в 1768 г., пошла на тайную чеканку в Петропавловской крепости голландских дукатов. Иностранные монеты были изготовлены на высоком уровне и не вызывали сомнений. В осуществлении проекта участвовал Балтийский флот: разделенный на несколько эскадр под видом учебных плаваний он проследовал в Средиземное море с годичным запасом валюты на борту кораблей. Одновременно был оформлен секретный, но скромный перевод в дукатах на Венецию через Голландию — на случай утечки информации. Чеканку тайной монеты прервал Павел I. В XIX в. к этому средству прибегал Александр I.

Таким образом, при Екатерине II произошло увеличение монетной чеканки, особенно золота и меди, что привело к структурным сдвигам в монетном балансе. Как отмечает С. А. Андришин: «Чекан золотой монеты возрос в 8 раз и составил 11 % монетного баланса страны; чекан медной монеты увеличился в 3,2 раза и составил 40 % монетного оборота; чекан серебряной монеты, хотя и увеличился в 1,4 раза, однако в структуре монетного баланса доля серебряного обращения сократилась до 49 %. Эти изменения отразили главные тенденции российского денежного обращения XVIII в. — возрастание роли медных денег во внутреннем товарообороте страны и укрепление денежной системы через введение в России европейского золотого паритета по отношению к серебру (1:15)».

Ассигнации. Когда в 1747 г. М. В. Ломоносов написал известную и поныне «Оду на восшествие на престол императрицы Елизаветы Петровны», то его творческое вдохновение было щедро оплачено: он получил 2 тыс. руб. Вознаграждение выдали медными монетами. Две тысячи рублей составляли 400 тыс. экземпляров денег, или 800 тыс. экземпляров полушек. Вес заработанных денег равнялся 3 200 кг. Доставляли гонорар на нескольких тяжело груженных подводах. Медные деньги были очень тяжелы. Пятак весил 1/8 фунта (50 г). Вес

100 рублей составлял более 6 пудов (100 кг), а 1 000 рублей — 62 пуда (1 000 кг). Для доставки такой суммы требовалось две телеги. Перевозка на большие расстояния была связана с большими трудностями и расходами, так как приходилось нанимать охрану. Прием и выдача таких сумм также требовали много времени и работников. Чтобы принять тысячу рублей, надо было пересчитать 20 тыс. пятаков, а 10 тыс. — 200 тыс. пятаков. При таких количествах денег были неизбежны ошибки и просчеты.

На протяжении всего XVIII в. происходил мучительный поиск самого оптимального и выгодного для казны веса медной монеты: от 8, 10, 16, 20, 32 до 40 руб. из пуда меди. Частая смена стопы вызывала большие неудобства для торговли внутри страны, неустойчивость денежного обращения, обнищание народа. Поскольку бесконечно заниматься эксплуатацией регалии медной монеты в целях увеличения казенных доходов было невозможно, то пришлось искать другие пути для решения финансовых проблем. Екатерина II решилась на введение небывалого до того новшества. С 1769 г. в России стали использоваться бумажные деньги — ассигнации, что открыло новую эру в истории денежного обращения страны.

Предложения о введении бумажных денег для облегчения денежного обращения и постепенной замене ими медных монет адресовались в правительственные круги еще со времени правления Анны Иоанновны. Подобные проекты появлялись на свет и при Елизавете Петровне. Императору Петру III тайный советник Д. В. Волков предложил учредить Государственный банк с правом выпуска «банкоцеттелей» 10-, 50-, 100-, 500- и 1 000-рублевого достоинства на сумму 5 млн руб. Гарантией обмена бумажных билетов на «ходячую» монету должен был служить специально созданный фонд из равного количества серебряных и медных монет. В 1768 г. новгородский губернатор граф Я. И. Сиверс подал Екатерине II записку, обосновывающую пользу и необходимость введения в России бумажных денег и содержащую подробный план осуществления намерения. Автор записки полагал, что быстрое внедрение этого новшества в жизнь и появление доверия к нему может обеспечить прием их во всей империи по всем видам казенных платежей. Чтобы окончательно рассеять сомнения населения, курс ассигнаций должен быть обеспечен медными деньгами. В специально созданном банке надлежит обеспечить бесперебойный обмен денег. Со временем, предрекал Я. И. Сиверс, ассигнации станут главным инструментом денежного обра-

щения России. Он писал: «...Все и каждый своею и всего государства пользою обязаны тому по своей мере и возможности содействовать, чтобы число бумажных цеттелей [бумажных денег] выпущено было сколько можно больше, чтобы положенные за них в казначейские конторы деньги оставались сколько можно больше в неподвижности, и чтобы тем самым правительство вскоре в состоянии нашлось [использовать] некоторую из оных часть, оставляя другую на случающийся мелочной обмен билетов...».

Предложение Я. И. Сиверса было своевременным (началась русско-турецкая война), так как открывало новые перспективы финансирования в условиях хронического бюджетного дефицита, постоянной нехватки наличных денег и сырья для чеканки полноценных золотых и серебряных монет. Необходимость чрезвычайных расходов заставила поручить генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому составление проекта плана выпуска ассигнаций. Он сменил на этом посту А. И. Глебова, который, по мнению императрицы, больше заботился о личном достатке, чем о государственном. Вяземский предлагал выпустить ассигнаций на 1 млн руб., а в случае успеха довести их сумму до 3 млн руб. «Для начинающейся войны на расходы первой кампании учредить бумажные ассигнации, утвердя к ним точно ту доверенность, какая есть к настоящим деньгам», — говорилось в плане. План послужил основанием для издания Манифеста от 29.12.1768 о введении ассигнаций. Этот шаг правительство мотивировало неудобством обращения и перевозки медных монет и необходимостью организации кредита. В указе о введении бумажных денег говорилось: «Тягость медной монеты, одобряющая ее собственную цену, отягощает ее и обращение; во-вторых, что дальний перевоз всякой монеты многим неудобностям подвержен». На самом деле это была не вся правда, побудившая правительство сделать такой решительный шаг.

Ассигнации обращались наряду с другими деньгами и принимались всеми учреждениями и конторами. В Санкт-Петербурге и Москве учреждались депозитные банки для размена ассигнаций по курсу «al pari». Как говорилось в Манифесте: «Сообразуя сии обстоятельства с пространствами России, и чувствуя, сколь потребно облегчить в ней оборот денег, Мы с удовлетворением приступаем к учреждению в империи Нашей променных банков и надеемся, что оказываем Нашим верноподданным попечение...». С 01.01.1769 учрежден был Ассигнационный банк. В разработке устава банка

лично принимала участие Екатерина II, о чем свидетельствует его черновой вариант с ее пометами. «Повелеваем здесь в Санкт-Петербурге положить в банк с 1 января 1769 г. для вымена ассигнаций 500 тысяч рублей, а в Москве в том же банке другая пятьсот тысячи рублей; всего в банк для вымен государственных ассигнаций один миллион, которого онный банк не должен иначе употребить, как на zapлату тому представляемых государственных ассигнаций», — писала императрица.

Поначалу распространение ассигнаций шло не очень активно. Сложности возникали у частных лиц и государственных учреждений. Екатерине II даже пришлось письменно обратиться к своему статс-секретарю и гофмейстеру с просьбой узнать, почему в дворцовой канцелярии от частных лиц не принимают ассигнации. Однако столичная публика быстро привыкла к новым деньгам и начала активно обменивать металлические деньги на бумажные. При этом предпочтение отдавалось меди. К апрелю 1769 г. Петербургский променный банк обменял на ассигнации более 50 тыс. руб., из них медных денег — 49 985 руб., золотых — 72 руб., серебряных — 18 руб. Причем обмен медных денег на ассигнации почти в три раза превышал обмен ассигнаций на медные деньги. Доверие к ассигнациям росло. Банки начали испытывать их нехватку, так как в неделю иногда расходовалось до 100 тыс. руб. ассигнаций. Императрица приказала Сенату иметь запас ассигнаций на 2 млн руб.

Изготовление ассигнаций контролировалось Сенатом. Генерал-прокурор нес за этот процесс личную ответственность. Здесь же осуществлялось хранение изготовленных купюр и бумаги для печатания денег. Ассигнации как платежные обязательства были выпущены в обращение 25-, 50-, 75- и 100-рублевого достоинства. Материалом для их изготовления, по свидетельству М. И. Пыляева, послужили старые дворцовые салфетки и скатерти. Деньги были двух видов. Одни обменивались Санкт-Петербургским банком, другие — Московским. Такое положение действовало на первых порах. В 1771 г. ограничения были отменены, и обмен ассигнациями производился независимо от места выдачи. Печатались ассигнации на белой четырехугольной бумаге с водяными знаками в виде рамки. Другая рамка, видимая и узорчатая, а также текст делались черной краской. Вверху располагалась надпись — «любовь к отечеству», внизу — «действует к пользе оного», слева и справа — «государственная казна». С правой же стороны указывалось достоинство ассигнации прописью и

церковными буквами. На купюрах по углам рамки под коронами имелись изображения гербов четырех царств и два овала с эмблемами торговли, промышленности и военной атрибутики. Каждая ассигнация имела номер, под которым значились банки, которые готовы платить ходячею монетой, и год. Под подписью красовались собственноручные подписи двух сенаторов, директора правления банка и директора местного банка.

Ассигнации часто подвергались подделке вследствие простоты их внешнего вида и слабой степени защиты. Об обнаружении в банках фальшивых ассигнаций писал в 1775 г. директор Ассигнационного банка А. П. Шувалов статс-секретарю П. В. Завадовскому, а А. А. Безбородко — Екатерине II в 1784 г. Вскоре из четырех видов банкнот осталось три, так как мошенники 25-рублевые купюры методом выскбливания превращали в 75-рублевые, исправляя 2 на 7. 75-рублевые купюры подверглись изъятию из обращения и больше не выпускались. Изготовлением фальшивых бумажных денег занимались представители почти всех слоев населения — купцы, мещане, чиновники, дворяне, военные, духовные лица, крестьяне. Правления банков регулярно отсылали в правительство отчеты о поступлениях фальшивых ассигнаций. Всего за 1776—1781 гг. в Московском и Санкт-Петербургском банках обнаружилось 276 фальшивых ассигнаций: за 243 заплатили 14 775 руб., а 33 не были обменены. Объемы подделок были не такими уж значительными относительно общей суммы ассигнаций — 5 млн руб. За изготовление фальшивых ассигнаций полагалась смертная казнь, редко заменяемая вечной каторгой. Ассигнации первого образца действовали с 1769 по 1786 г. Наличие фальшивых ассигнаций заставило правительство провести в 1786—1787 гг. обмен старых бумажных денег на новые с изменением их внешнего вида. Новые ассигнации 25-, 50-, 100-рублевого достоинства, выполненные из другого сорта бумаги, с тремя подписями (директора и советника правления банков, кассира), имели хождение до 1818 г. Старые ассигнации, обмененные на новые, подлежали публичному сжиганию перед зданием Сената. В 1786 г. началось изготовление ассигнаций более мелкого 5- и 10-рублевого достоинства для поддержания розничного торгового оборота. Пятерки печатались на синей («синенькие»), а десятки — на красной («красненькие») бумаге.

Хотя ассигнации ходили в стране наравне с другими денежными знаками и в Манифесте говорилось только о наличных деньгах и конкретно не

указывалось, какими монетами будут оплачиваться ассигнации, разменивались они только на медную монету разного достоинства. Это в 1770 г. было узаконено указом. Правда, некоторые исследователи полагают, что до 1772 г. разменные операции производились и на серебро, но затем такие случаи почти не встречались.

Поначалу правительство соблюдало «святость слова царского» и выпустило ограниченное количество ассигнаций на 1 млн руб. с помещением в каждый банк по 500 тыс. руб. разменного фонда. Но очень скоро оно начало выпускать бумажные деньги без всякого металлического обеспечения. В 1774 г. количество ассигнаций достигло 20 млн руб. и была сделана попытка эту цифру установить в качестве предела обращающейся массы ассигнаций. Эта сумма ассигнаций была обеспечена медной монетой. В 1775 г. Сенат отклонил предложение о продаже меди за границу, объясняя это тем, что в случае разрешения «остановится денежный передел и недостаток в монете последует». Но постоянный рост бюджетного дефицита, связанный с ростом расходов, недоимками по сбору налогов, оплатой процентов по внешним займам, заставлял вновь и вновь запускать печатный станок. В 1786 г. в обращении уже находилось более 46 млн руб. ассигнаций, а в 1787 г. — 100 млн руб. Эмиссия ассигнаций стала главным источником пополнения казны.

Впервые о доведении выпуска ассигнаций до 100 млн руб. в своей записке упомянул директор Ассигнационного банка А. П. Шувалов — сын П. И. Шувалова — достаточно умный и образованный человек. Сенатская комиссия не просто поддержала его, но и развила положения записки в более обстоятельную и детальную систему. Против плана увеличения изготовления ассигнаций без соответствующего металлического покрытия выступил А. А. Вяземский, но императрица не прислушалась к его доводам, а поддержала А. П. Шувалова. Манифест 1786 г. одобрил план увеличения суммы ассигнаций. Сумма в 100 млн руб. оказалась не пределом, несмотря на заверение правительства. В конце царствования Екатерины II в ноябре 1796 г. в обращении находилось ассигнаций на 158 млн руб.

В первое десятилетие существования ассигнаций выдерживался высокий курс по отношению к серебру. В 1769 г. ассигнационный рубль приравнялся к 99 копейкам серебром, в 1774 г. — к 100 копейкам. Количество ассигнаций было умеренное, и спрос на них показывал тенденцию роста. Наступивший в 1786—1787 гг. финансовый кризис побудил правительство начать контролиро-

вать вывоз и ввоз в Россию ассигнаций. В записке к статс-секретарю А. А. Безбородко Екатерина II писала: «Обоим столичным и пограничным почтамтам пакеты из чужих краев приходящие, в коих по подозрениям могут содержаться банковые ассигнации оттуда высылаемые, открывать». Такие полумеры не помогли стабилизировать денежный рынок. Нарастание ассигнационной денежной массы приводило к быстрому понижению их курса. В 1799 г. ассигнационный рубль приравнялся к 65, 5 серебряным копейкам. Падение курса ассигнаций привело к падению ценности медных денег. С 1790-х гг. прекращается размен ассигнаций на медные монеты. При этом подати казна предпочитает собирать металлическими деньгами. Именно на это время приходится зафиксированная археологами основная масса денежных кладов в металлической монете, в том числе — и медной, несмотря на падение ее ценности. Обесценение бумажных и медных денег нарушало соотношение стоимости медных, серебряных и золотых монет. Серебряный рубль стал приравняться к четырем рублям медью.

Молдаво-валахская и таврическая монеты. Активная внешняя политика России во второй половине XVIII в. приводила к значительному расширению территории Российской империи. Русско-турецкая война 1768—1774 гг. началась с победы армии России над передовыми отрядами турок, что дало возможность перейти реку Днестр и занять Яссы — столицу Молдавии, а вскоре и Бухарест — столицу Валахии. Местному населению было объявлено о принятии их в русское подданство. Обустройством армии на новых территориях занимался главнокомандующий, прославленный полководец П. А. Румянцев. Для лучшего содержания войск он решил на территориях занятых княжеств наладить обращение медной монеты, придерживая серебро и золото. Источником меди должно было послужить большое количество отбитых у турок пушек, благо у России имелся опыт перечеканки медных пушек в монету со времен Семилетней войны. О проблемах, которые может создать медное обращение, полководец не задумывался, ожидая близкого конца войны. В распоряжении армии имелось 900 турецких медных орудий разных типов и калибров. С разрешения императрицы чеканку монет решено было наладить в княжествах, по причине отдаленности русских монетных дворов от места действия.

Выполнять данную задачу поручился местный богач — тайный советник королевско-польской службы, барон П. Гартенберг. С ним был заключен

договор, написанный на немецком языке. Монеты предназначались для обращения в Молдавии и Валахии. За каждый пуд пушечного металла предприниматель платил на 2,5 руб. дороже стоимости меди и сверх того — еще 60 тыс. руб. за привилегию (право чеканки). Инструмент и труд мастера также оплачивал барон. С первых дней стало ясно, что договор будет выполняться относительно. Чеканку монет перенесли из Ясс в принадлежащее барону местечко близ Хотина, где производство осуществлялось без контроля над завозом пушек и выделкой монеты вследствие благодушия русского командования. Плату за пушечный металл и привилегию Гартенберг должен был сдавать отчеканенной монетой в высшее правление княжеств (диваны).

По договору на монетном дворе в Яссах он должен был изготовить 500 тыс. руб. медной монеты, отчеканенной пятаками, полуторакоеечниками и денежками (1/2 копейки). Все монеты делались по представленному рисунку. Денежки не чеканились вообще, а пятаки — в небольшом количестве. На лицевой стороне пятака помещался двуглавый орел, держащий в лапах гербы Молдавии и Валахии, номинал монеты и литера монетного двора. На оборотной стороне располагались корона, вензель Екатерины II, воинские трофеи и год. Ребро монеты (гурт) делалось узорным. Полуторакоеечники (3 денги) имели те же атрибуты, но в других вариациях и представлены были тремя типами. С 1772 г. вместо пятачков стали чеканить трехкопеечники.

Откупщик не торопился сдавать отчеканенную монету. К 1773 г. он представил в диван только 30 тыс. руб., хотя изготовил ее в 10 раз больше. Плата за откуп комиссией комиссаров русской армии принималась серебром и золотом. Именно этой монетой старались собирать подати с населения и получать плату за откупа. Фельдмаршал решил увеличить чеканку медных монет до 1 млн руб. Новую привилегию приобрел генерал-майор Мелиссино, заплатив за нее 100 тыс. руб., а за каждый пуд металла — по 6 руб. Вскоре он уступил эту привилегию другому предпринимателю, который передал ее Гартенбергу. В его руках сосредоточилась вся чеканка молдавской и валахской монеты. Всего он отчеканил медной монеты почти 700 тыс. руб. В июле 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, по которому княжества получали автономию в составе Порты. Теперь основная задача состояла в получении с откупщиков серебряной и золотой монеты вместо медной, частично внесенной за выкуп. Диванам было предписано все

местные расходы покрывать медью, выменивая ее на золото и серебро. Начавшееся обесценение медных денег и требование уплаты налогов золотом и серебром привело к упадку торговли и росту цен, а также народному недовольству. В результате войны и авантюрных действий Гартенберга из Бесарабии было «выкачено» турецкое серебро и золото русского офицерского жалованья. Придунайский край был разорен, люди разбежались, и собирать налоги, а тем более недоимки по ним было трудно. Расчет с откупщиками чеканки медных денег был закончен накануне оставления русскими войсками княжеств, власть в которых переходила к господарям. Ввоз молдавской монеты в Россию был запрещен. В Главном монетном департаменте скопилось до 116 пудов молдавской монеты на сумму более 2,5 тыс. руб. Их предстояло перечеканить в российские, что не вызывало больших трудностей, так как разница в весе составляла несколько долей. Молдаво-валахская денежная операция помогла использовать большое количество металла завоеванных турецких пушек и скопить русскому правительству ничтожное количество золотой и серебряной монеты, необходимой для ведения русско-турецкой войны и подавления крестьянского восстания. В целом ее результаты были малопродуктивны.

В 1783 г. Россия объявила о присоединении к империи Таврического полуострова, или Крыма. Под руководством Г. А. Потемкина началось его активное и успешное хозяйственное освоение. Последний крымский хан Шагин-Герей для придания блеска и весомости своему двору решил чеканить свою монету и озаботился устройством Монетного двора. С помощью подполковника Дерринга Монетный двор был обустроен в Кафе (Феодосии). К моменту присоединения Крыма к России финансы последней нуждались в укреплении и оздоровлении. Чрезмерный выпуск ассигнаций подрывал их курс и приводил к дороговизне товаров. Для поддержания стоимости ассигнаций правительство должно было увеличивать производство медных денег. С целью медного передела решено было использовать Крымский монетный двор. Налаживание соответствующих работ было поручено двум сотрудникам Петербургского монетного двора — И. К. Затлеру и И. Ю. Гинцу. Им разрешили подобрать нужные материалы, инструменты и мастеровых, используя ресурсы столичных монетных дворов. Следовало еще наладить доставку меди в Крым из России. Прибыв в маленький татарский городок Феодосию в 1784 г., И. К. Затлер убедился, что сразу приступить к чеканке невозможно. Монетный двор

требовал более длительного приведения в порядок. Не хватало мастеров и подмастерьев определенной квалификации, станов, строительных материалов и денег.

Одновременно с заботами о снабжении двора рабочими и проведении ремонтных работ надо было подумать о снабжении металлом и изготовлении штемпелей. Директор Феодосийской таможни, который отвечал за обеспечение Монетного двора медью, предложил закупать ее в Турции за соль и пшеницу, что с учетом разницы цен было выгодно для России. Г.А. Потемкин дал разрешение на заключение подобных сделок с известными ограничениями. Помимо налаживания чеканки монет возникла необходимость подумать о внешнем виде монетного двора в связи с готовящимся посещением Крыма императрицей. Отделка Феодосийского дворца уже началась. Работы производились солдатами, получавшими за свой труд 10 коп. в день. Императрица прибыла в Феодосию 28.05.1787. К этому дню, наконец, заработал и Монетный двор. Екатерина II и австрийский император Иосиф II в сопровождении многочисленной свиты, встреченные таврическим правителем М.В. Каховским с дворянами и священником, изволили отобедать за столом, накрытым на 37 кувертов. После обеда императрица со спутниками осмотрели монетный двор и фабрики по производству монет. В их присутствии были оттиснуты две золотые медали с указанием года, месяца и дня посещения монетного двора. Князь Г.А. Потемкин также преподнес гостям медные и серебряные монеты, отчеканенные на Монетном дворе Феодосии. Монетный двор Феодосии чеканил медную монету всех номиналов – от пятаков до полушек. Их внешний вид отличался от других медных монет только буквами ТМ (таврическая монета). Известно и небольшое количество мелких серебряных монет – двугривенный, гривенник, пятак и грош. На них делалась надпись «Царица Херсонеса Таврического», призванная показать принадлежность Крыма России. В планах Г.А. Потемкина было открыть в Крыму месторождение металлических руд.

Бесперебойная работа монетного двора зависела от снабжения его металлом и обеспеченности рабочими. На Монетном дворе использовали труд колодников, но рабочих не хватало. Их искали по всему Крыму. Была попытка приохотить к постоянному и определенному труду цыган, но они старались уклоняться или бежали. Как стало известно, местные власти даже брали с цыган деньги за освобождение от труда на Монетном дворе. Всего Монетный двор

в Феодосии проработал с мая 1787 г. по апрель 1788 г. За этот период было отчеканено монет на сумму более 57 тыс. руб. Новая русско-турецкая война побудила Г.А. Потемкина чеканку монеты остановить и Монетный двор спешно закрыть, учитывая небезопасность его месторасположения. Машины и инструменты вывезли в Берислав. Здесь они хранились до 1796 г., пока в Херсоне на вновь учрежденном Монетном дворе не начали передел медной монеты по 32-рублевой стопе по проекту П.А. Зубова. Через несколько месяцев Херсонский двор был упразднен, а имущество продано с публичного торга за полторы тысячи рублей. В 1795 г. умер И. К. Затлер, живший при Монетном дворе. Как выяснилось, часть Монетного двора находилась в собственности его семейства. Свободные здания по распоряжению П.А. Зубова переделали в казармы.

Необходимо подчеркнуть, что Екатерина II много внимания уделяла выработке денежной политики и материальной базе денежного обращения. Императрица интересовалась работой монетных дворов, с ее санкции осуществлялся передел медной монеты, увеличился объем чеканки серебряных и золотых денег. В годы ее правления впервые в России были введены в обращение бумажные деньги.

Список литературы

1. Андрюшин С. А. Практика реформирования денежного обращения России в истории российской экономической мысли. Очерки истории российской экономической мысли. М. 2003. С. 235.
2. Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московских кладях. М. 1999. С. 172.
3. История денежных реформ в России XVI–XX вв. М. 2002. С. 75–76.
4. Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб. 2004. С. 58.
5. Перышкин М. Ю. Денежные реформы Екатерины II в документах РГАДА. Денежные реформы в России. История и современность. М. 2004. С. 43.
6. Романов С. Фальшивомонетчики. М. 2005. С. 51.
7. Спасский И. Г., Юхт А. И. Финансы. Денежное обращение. Очерки русской культуры XVIII в. М. 1987. Ч. 2. С. 120.
8. Фон Винклер П. П. Из истории монетного дела в России. М. 2005. С. 50–60.
9. Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М. 1994. С. 205–207.